

Елена Лампига
Старушка на курьих ножках

Елена Лампига

Старушка на курьих ножках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42624256

ISBN 9785449683878

Аннотация

Бруно Дюпре, владелец ювелирного дома, оказывается втянут в авантюру старым другом семьи. На поиски похищенного драгоценного кольца Бруно летит в Россию. Здесь в поместье князей Красовских происходят таинственные события – убивают сторожа музея, на территории усадьбы пропадают люди, а по кладбищу гуляют призраки. Событиями ловко управляет весьма изобретательная бабушка. Ей помогают две очаровательные внучки, нахалки и авантюристки. Бруно предстоит разобраться, что же скрывает коварная Луиза...

Содержание

1	5
2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Старушка на курьих ножках

Елена Лампига

© Елена Лампига, 2019

ISBN 978-5-4496-8387-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Россия, поместье

Новенький импортный автомобиль медленно катил по пыльной проселочной дороге. За рулем его расположился солидно одетый мужчина средних лет, комплекции мельче средней, но с непомерными амбициями. Мужчина с мечтательным выражением на лице обозревал проплывающие мимо просторы. Просторы ему не принадлежали, но он живо представлял себе, как славно он здесь развернется, станет полноценным барином, крестьяне будут кланяться, завидев его издали на породистом скакуне. Вот здесь поставит он конюшню с племенными рысаками, здесь баньку, здесь раскинутся виноградники. Да, хорошая же наступит у него жизнь! Темная тень залегла на челе будущего барина. Нужно только расправиться со старухой и ее свитой! Вздорная, лживая, спесивая ведьма должна умереть! Он во всех подробностях стал представлять себе, как она вытаращит глазенки, как будет просить его о пощаде, как от страха затрясутся ее старушечьи губы. Но он будет неумолим! Справедливость восторжествует! Лишь истинно достойный получит всё!!!

Франция, Париж

– Mon cher! Искренне! Искренне рад! – Старик обнимал гостя, хлопал по спине, тряс за руки, поворачивал его во все стороны, снова принимался хлопать и рассматривать. – Как здоровье Вашей бесценной матушки?

– Она в прекрасной форме! Благодарю. – Гость улыбнулся в усы, вспомнив бесценную.

– Что же мы стоим на пороге? Пройдемте, Мишель, пройдемте, я покажу, как мы здесь устроились. Вы надолго к старику?

– Боюсь, у меня не так много времени, дядюшка. Могу я Вас так называть?

– Ба! Зачем же Вы спрашиваете, mon cher, когда это истинная правда и с нею не поспоришь! Теперь я вижу это своими собственными глазами. Сказать по правде, я и ранее не усомнился бы ни на секунду. – Старик провел рукой по губам, скрыв усмешку. Гость тоже улыбнулся.

Они прошли в гостиную, где выпили коньяку, обсудили погоды, забастовку в Париже, современные нравы, цены на нефть и новую коллекцию модного дома Шанель. За приятной беседой они покинули старинный особняк, – хозяин взял гостя под руку, тот согнул ее крендельком, – и неспешным шагом направились по ухоженным тенистым аллеям парка, примыкающего к дому. Гравий под ногами приятно шелестел. Идеально подстриженные газоны, ухоженные живописные клумбы, хвойные деревья и кустарники, стараниями искуснейших мастеров получившие очертания самых

причудливых форм, фонтан с золоченой статуей в центре в стиле солнечного короля – все здесь радовало глаз, навевало мысли о многовековых традициях, о безусловной принадлежности владельцев к старой французской аристократии, о благополучии и процветании рода. Гость выразил неподдельные интерес и восхищение садом, чем безмерно порадовал честолюбивого старика. Наконец, перешли к делу. Впрочем, о деле решили беседовать в кабинете, в приватной обстановке.

– Все, о чем вы толкуете, прелестно! – Глаза старика блестя нездоровым блеском. Он складывал губы дудочкой, сводил кончики пальцев, размышлял. – Но, боюсь, невозможно! – он раз за разом выносил вердикт.

– Но отчего же! Все складывается, как нельзя лучше для всех! – горячился гость. – Как говорится, у нас товар, у вас купец!

– Мальчишка своенравен. Он не поддается уговорам! Нет-нет... боюсь, я не смогу на него повлиять. Вот если бы он сам... – Старикан хитро прищурился. – Но как это осуществить? Немыслимо! – Он вскинул руки.

– Что ж... Пожалуй, я готов взять дело в свои руки. Но мне понадобится Ваша помощь, местье. Не откажите, – гость поклонился.

– Все, что от меня потребуется! – заверил старикан, обрадованный возможностью обтяпать премиленькое дельце чу-

жими руками и получить знатный барыш. – Что вы предлагаете, Мишель?

Тогда заговорщики склонили головы и принялись весьма оживленно шептаться:

– Гениально! – Старик откидывался на спинку кресла, потирал руками.

Или

– Нет, никуда не годится! Уж лучше..– Они снова склонялись головами, плели интригу дальше.

Час спустя, оба они, довольные друг другом, пожали руки. Старик взял в руки телефон, принялся звонить.

– Бруно, мой мальчик! Как поживаешь? – Трубка отвечала ему приятным мужским голосом.

– Ведь ты в Париже?

– Как? Все у тебя? Сегодня?

– В таком случае, мой юный друг, позволь рекомендовать тебе моего старого знакомого из России. Он здесь по случаю всемирной выставки.

– О, да! Можешь не сомневаться! Он славный малый, ювелир, непревзойденный мастер русской школы! Уверен, он станет душой приема!

– Так, стало быть, сегодня в восемь он у тебя?

Старик дождался утвердительного ответа своего невидимого собеседника и распрощался с ним в самой теплой манере.

Начало игры было положено! Заговорщики ударили

по рукам!

Россия, поместье

Повозка медленно и как-то натужно тащилась. Колеса с трудом проворачивались, то там то сям попадали в глубокие рытвины. Дорога была никудышная. Мужички в повозке вяло перебрасывались словами, изредка покрикивали.

– ... Ты мне это брось!...

– ... Подпиши бумагу...!

– ... Как ты могла, Варвара...!

– ... А я ж говорил...!

– ... Ну-с, электроосвещение оплачивать будем?

Слышен был и старушечий голос.

– ...Мне совершенно нечего надеть...

Варвара, запряженная в повозку, налегала на хомут. Бежать было тяжело. Бежать было... необходимо. В глазах стояла пелена. Она становилась все плотнее, мешала продвигаться дальше. «Наверное, шоры», вдруг подумала Варвара, помотала головой, стряхивая оцепенение, – не помогло. Тогда она забеспокоилась всерьез, стала трясти мордой, водить ею из стороны в сторону, – стороны оказались плотные, вязкие, словно омут, – она фыркнула, попыталась дотянуться правым передним копытом до глаз – мелькнул сломанный ноготь, в сознании всплыла неприятная мысль и исчезла... Неожиданно исчезла и пелена, морок рассеялся и взору яс-

но открылся сизый предрассветный потолок. Варвара привычно тарачилась в него, переводя дыхание. Черт знает что, а не сон... Уметь бы гадать по тени утреннего потолка. Голос известной телеведущей произнес: «если первым делом вы увидели кривые линии на потолке – к разбитому сердцу...». Варвара развеселилась. А если плафоны покрыты пылью – к генеральной уборке! На самом деле ей не нужны были предсказания. Она и так знала, что все стало как-то уж слишком сложно. Сонливость медленно уползала из головы, реальность надвигалась неотвратимо. Как Терминатор на Сару О'коннор, подумала Варвара.

Она окончательно проснулась, рассмотрела сломанный ноготь – тот был на месте, вздохнула, решительно встала и потопала в ванную. Что там сегодня с великими делами?

– Варь, вот что ты сопишь? Я тебе сколько раз говорила, это только в автобусе ВЫХОДА НЕТ! А у нас есть. Прямо под носом! – Под носом у Катерины был мокрый дощатый пол. Она домывала веранду, и когда добралась до крыльца, уже кое-как возила тряпкой по сторонам.

– Кать, ну не могу я, понимаешь? Не могу! Ты все прекрасно знаешь. И давай закроем тему. – Варя привычно отбрыкивалась от подруги.

– Конечно, давай закроем... Но знай! Это я не могу смотреть, как ты надрываешься, – не унималась та. – Ну посмотри на себя! Графинюшка наша свежее. – Графинюшкой Катька

называла бабушку Варвары Луизу Вацлавну, старушку преклонных лет, весьма деятельную и темпераментную особу, надо сказать.

– Кто на свете всех свежее, и румяней и вреднее... – пробормотала Варя и с жаром задышала на стекло. Сегодня в музее был выходной и они решили заняться уборкой.

– Вот на той неделе Борис Иваныч приезжал. Хороший же дядька! Явленского просил. А он уже месяц, на минуточку, ездит! Ну хочет Явленского – сделай дядьке приятное, продай!

– Кааать! – Варвара перестала мыть окно и посмотрела на подругу.

– Я сказала, что мы подумаем.

– Каааааать...

– Ну что, Варь?

– Я бы вот вас двоих продала. Тебя и графинюшку в довесок.

– О как! А крепостное то право отменили, не слыхала?

– Рано отменили!

– Да и бабушка в довесок идти не может. Бабушка может идти в наказание. За очень тяжкие грехи, – изрекла Катька. – Я все. Тебе долго еще?

– Нет. Одно окно. И стирка.

– Угу. – Катерина вылила воду в куст отцветающих пионов, поставила ведро и уселась на мокрые еще ступени. Откинулась назад, задрала голову к солнцу. – Жара-то какая!

А пойдём на речку сегодня, – прокричала она подружке в дом.

– Пойдём, – сказала Варвара совсем рядом. Она уселась сбоку от Катерины и тоже подняла голову. Лицу тут же стало нестерпимо горячо.

– Устала?

– Вообще? Или сегодня?

– Да ну тебя.

– Мне сегодня сон такой дурацкий приснился. Как бы не случилось чего. Маетно что-то.

– Борис Ив...

– Кать, не нервируй, а? Нет у нас Явленского. Ты это знаешь лучше всех!

– Есть!

– Это НЕ Явленский! – Варя подскочила и ушла в дом, раздраженно печатая голыми ступнями по полу.

– Зато какой это Неявленский! – улыбнулась подруга.

Франция, Париж

Бруно Дюпре нажал кнопку отбоя, потер глаза спросонья. Зачем, интересно, старики встают в такую рань? Он велел Жоржу приготовить кофе, решительно встал, прошел в ванную, принял душ. Все это время он гадал, что же на самом деле произошло. По телефону Филипп не стал ничего объяснять. Дааа, дед не давал ему скучать. С тех самых пор, как тот фактически отошел от дел, а Бруно возглавил его ювелирный

дом, деду не жилось спокойно. Бруно еще только застегивал рубашку, а Жорж уже известил о приезде месье Филиппа Лурье. Бруно улыбнулся. Со двора он что ли звонил? Мужчина сбежал вниз по лестнице навстречу посетителю. Филипп стоял в мраморном холле у громадного зеркала. В руках он держал небольшой кейс. Филипп был стар, но отчаянно молодился. Одет он был в светлый утренний костюм в полоску – в петлице неизменно цветок!, элегантный шейный платок закреплен утонченной английской булавкой. Шляпа сидела на голове с неподражаемым шиком. Щеголь! – подумал Бруно и расцеловал старика.

– Ты сегодня не ложился? – улыбнулся он. Старик не был ему родственником, но их семьи дружили, сколько Бруно себя помнил. Они были очень близки. Наследников у деда не было и он сделал Бруно своим преемником.

– Бруно, мальчик мой. Нам нужно поговорить. – Сегодня дед был необычайно оживлен.

– Я уже понял. Идем. Выпьешь кофе? Что говорит тебе прекрасная Анри по поводу кофеина? – Бруно частенько подтрунивал над стариком. Тот умудрялся заводить шашни с мадам вдвое, а то и втрое моложе себя. Теперь у него случился роман с докторицей. Он, кажется, привез ее из Довиля, куда ездил недавно поправить здоровье по совету предыдущего врача. Врач запрещал деду всё, рекомендовал тишину, чтение и постельный режим! Из Довиля тот приехал окрыленный, помолодевший и с новым врачом. Бруно раз-

веселился.

Они прошли в малую гостиную, где вышколенная горничная в форменном платье строгого покроя уже разливала дымящийся кофе в миниатюрные чашки тончайшего фарфора.

– Я тебя слушаю, Филипп. На тебе нет лица. Все в порядке?

– Бруно... скажи мне. Помнишь ли ты то кольцо с розовым бриллиантом?... С ним еще произошла такая пренеприятная история в России.

– Болин и Ян? Разумеется, помню... – Бруно насторожился. Загадочные приключения с этим кольцом уже начинали ему надоедать.

Дед мялся и ерзал, складывал губы трубочкой, хмурился. Бруно не собирался ему помогать. Он уже давно изучил повадки старого бонвивана и не поддавался на его провокации. Вот и в истории, произошедшей в России, он чуть было не лишился своего честного имени. А все из-за неумного авантюризма Лурье.

– А скажи мне, ты показывал его кому-нибудь?

– Твоему старому знакомому. Месяц назад. Ты сам рекомендовал мне его. Почему ты спрашиваешь?

– Позволь старику взглянуть на него еще раз. Ммм? Ты не против? – Старик излишне оживленно похлопал Бруно по колену, глаза его лихорадочно горели.

Бруно прищурился, он чувствовал всем нутром, что-то происходит.

Однако, он молча поднялся, рукой пригласил Филиппа следовать в кабинет. В кабинете Бруно нажал на какие-то кнопки, деревянные панели разъехались, открывая проход в скрытое до того помещение. В помещении горел специальный свет и бесперебойно поддерживалась специальная температура. Всюду на полках стояли бархатные коробки и коробочки, лежали свертки. Здесь временно хранились особо ценные украшения до того, как их описывали и передавали в банк, а также драгоценности, с которыми Бруно не желал расставаться. Здесь же расположена была его личная коллекция – Бруно Дюпре был страстным поклонником дорогого старинного оружия. Он достал одну из коробок, вернулся к столу и открыл ее перед стариком. По кабинету пробежали перламутровые всполохи, лицо старика осветилось. Он лишь мельком взглянул на бриллиантовое кольцо искуснейшей работы.

– Отменно. Отменно! – неизвестно чему возрадовался он.

– Филипп... Может объяснишь, что происходит?

Россия, поместье

Сменив белье в жилых комнатах – простое бязевое в своих и шелковое с рюшами в бабулиной, подруги отправили его в стирку.

– Как думаешь, бабушка не будет гневаться, что мы ее шелка со своим ситчиком вместе стираем? Не погребует? –

Катерина в притворном ужасе приложила ладошку к губам.

– Не погребует. В нашем доме власть принадлежит пролетариату. А бабушка на перековке.

Тут не желавшая мириться с перековкой бабушка зазвонила в колокольчик.

– Где вы там ворохтаетесь? За смертью посылать...

– Ба, откуда тебе известно про смерть? – Это Варвара. Она была родная внучка и высказывалась более революционно, чем Катерина, внучка приобретенная.

– Ба, а расскажи, как ты Наполеона видела, – захихикала Катька.

– Эхх, дурехи, никакого уважения к старости. Наполеона не видала. А вот с Сашей знакома была. – Воспоминания накатывали на бабулю как-то бессистемно.

– С Сашей Невским?

– С Твардовским, бестолочь! Рассказать? – Сегодня Луиза Вацлавна благодушествовала. «С чего бы это?» – тут же заподозрила неладное Варвара.

Катька придвинулась поближе, приготовилась слушать. История тех взаимоотношений, поведанная Вацлавной, наполнена была деликатной советской романтикой, которая, как известно, секса не предусматривала, а вот стихами да любовными письмами изобиловала.

– Кать, ты бабушку не слушай. Не было такого никогда, – Варя теперь гладила какие-то кружева и оборки.

– Ха! Как же не было, когда было!

– Ба, я с тобой, если ты это помнишь, с рождения живу. Не было такого!

– Катерина! Неси письма! – Бабушка раскипятилась. Она была очень азартной и, когда ей это было нужно, неслась во все тяжкие.

Катька притащила коробку с письмами. Бабуля порылась в ней, выудила из вороха одно и принялась читать:

«Дражайшая Луиза..» Так ...так... так вот! Подпись! «Навечно Ваш, Саша Твардовский».

– Съела? – Бабка выставила письмо, как статуя свободы факел, прищурила глазки, – глазки полыхали победой!

Варя, уперев руки в бока, соображала. Подошла к коробке и выудила из нее же конверт того письма. На конверте в графе «от кого» и впрямь стояло «А. Твардовский», а вот в графе «откуда» четко прописан был их прежний адрес, только дом и квартира другие.

Варя расхохоталась.

– Кать, это наш сосед бабуле писал. Дядя Саша. Хороший дядька, фронтовик был. Графинюшку боготворил.

– Так я и говорю!

– Ты говоришь, Твардовский!

– Ну!

– А Катька решила, тот самый! «На войне, в пыли походной»!

– Такого я не говорила... – Старуха развела руками. – Самы напридумают, чего не было...

– Ну Луиза Вацлавна..., – разочарованно протянула Катя-ка.

– Ааа!!! В общем, Луиза Вацлавна, не забивай Катькину голову своими байками. И с Витькой ты б поостереглась экспериментировать. Он как с тобой наобщается, слова потом сказать не может. Или говорит, но местные его не понимают.

– Поучи еще бабушку! – надулась она. – Человек от макак даром слова только и отличается! – изрекла бабуля и подняла палец.

– А кто вчера мужиков костерил русским портовым? У них уши дымились и глаза стекленели.

– Поделом им. Супостаты. Хай на чужое добро не зарятся. Варя встряхнула груду кружев и оборок, груда неожиданно приняла форму блузы.

– Извольте одеваться, Ваше сиятельство! – И присела.

Франция, Париж

– Нет-нет, мой мальчик! Тебе не стоит беспокоиться! – Дед поднял руки ладонями вверх. – Спишем все на глупые старческие причуды. – Он собрался уже встать, но вдруг передумал и плюхнулся обратно в кресло.

– А ведь, если разобраться, это ж талант! Непревзойденный талант! – Решил он поразглагольствовать. – Изготовить подделку, да такую, что сам черт не разберет, где подлинник!

– Не могу с тобой согласиться, Филипп. Я твою подделку

не видел.

Старик живо поставил свой кейс на стол, достал из него коробку, из коробки с превеликими осторожностями достал он кольцо, нисколько не отличавшееся от уже имеющегося. Бруно наклонился, взял кольцо в руки:

– Потрясающе. Невероятно! – Он даже перешел на шепот.

Несколько лет назад ювелирный дом Лурье уже под управлением Бруно провел выставку драгоценных предметов обихода и украшений царского двора, вывезенных эмигрантами. Выставка посетила несколько крупных российских городов, имела ошеломительный успех. Успех омрачен был одним неприятным событием. Распорядитель выставки, сопровождающий ее по России, позвонил однажды Бруно и сообщил, что кольцо из личной коллекции Филиппа Лурье оказалось фальшивым. Это подтверждала вполне достоверная экспертиза. Бруно из сострадания к чувствам старика ничего не сказал ему сразу, велел представителям фирмы разбираться на месте, оказывать содействие следствию и обо всем докладывать ему лично, минуя почтенного Лурье. Старик явился к нему спустя время сам, был возбужден, юлил по обыкновению, в конце концов попросил прекратить разбирательства. Сквозь поток сбивчивых объяснений Бруно понял одно – старый аферист сам подсунул ему лишь копию кольца для путешествия по России.

– Черти меня попутали! – Он заламывал тогда руки, по-

каянно тряс головой.

«Чтоб тебя черти слопали», думал Бруно. От греха по-дальше он в тот же день перевез подлинник в свой особняк в предместьи Парижа и дал отбой в Россию.

– Не то чтобы я тебе не доверяю, Филипп... – Бруно подбирал слова, выставив руки ладонями вперед. – Но во избежание путаницы..., – растянулся он в улыбке, – подлинник пусть хранится у меня.

Прибывшая из России копия вернулась тогда в полное распоряжение коварного владельца.

Теперь они лицезрели оба экземпляра вместе. С лихорадочным воодушевлением истинных ценителей и знатоков они рассматривали украшения, передавали их друг другу, сравнивали, изучали камни – крупный розовый бриллиант и россыпь более мелких обычных. Дед цокал языком, Бруно восхищался мастерством огранки.

– погоди, – опомнился Филипп. – А где теперь подлинник? Мы их перепутали!

Бруно поднял голову вверх, словно призывая небеса избавить его и от деда и от колье, с которыми вечно какая-то история.

– А! Я прихватил с собой инструмент, – Филипп стукнул себя ладонью по лбу. «Как предусмотрительно», задумался Бруно.

Они вернулись к столу, старик достал из того же кейса ка-

кие-то приборы.

Россия, поместье

Луиза разливала чай на английский манер через ситечко.

– Чаю напьемся. Ликер где, Варвара? Спрятала что ли?

– На экспертизу отдала, бабуль. В наркологический диспансер.

– Язва.

– Язва у Витьки случилась. От вашего ликера. Вы что туда намешали, травники?

– Все с родных полей, Варвара! Все по старинным рецептам! Предки почище нашего знали, что здоровью полезно.

– А Витька еле оклемался, бабуль.

– Витька... Витьке все, что для здоровья – погибель верная. Куда собрались сегодня? – Бабуля поспешила сменить неудобную тему.

– На речку пойдем. Жарища такая! Мы не долго. Не успеешь соскучиться.

Луиза помолчала, пожевала губы, словно что-то продумывая и милостиво изрекла

– И то верно. Сходите. С бумагами работать буду. От вас только шуму.

Когда девушки удалились, старушка надела очки и принялась внимательно изучать лежащие перед ней бумаги. «План

господскому дому, состоящему Л*** округи в селе Поляны, снятый 25 июня 1790 года. Он вычерчен на тонкой полотняной кальке размером 67х91 чёрной тушью с подсветкой акварелью. Под номером первым указаны „палаты каменные без крышки старинного расположения длиной 22 ½, шириной 7 ½, вышиною 4 сажени, в них 6 покоев, 2 кладовых, внизу погребка“. Луиза читала, шевелила губами, лишь изредка поднимала взгляд от бумаг, закрывала глаза, размышляла. „Оные палаты в 1770 году сгорели и ныне стоят без крышки, потолку и полов нет, к починке неспособны“. Кроме этого здания на план нанесены под номером вторым „кладовая каменная длиною 12, шириною 6, вышиною до крыши 4 сажени, в ней 6 покоев, внизу выход с погребками“. Её размеры, местоположение и число помещений полностью соответствуют натурным обмерам палат Поляны. Можно предположить, что после пожара 1770 года, владельцы усадьбы поселились в соседнем каменном строении, имеющем 6 больших „покоев“, которое и стало именоваться до наших дней палатами Поляны в память о первом их владельце».

Франция, Париж

Бруно был ошеломлен! В голове не укладывалось. Информация была настолько невероятная, что осознать ее, переварить и усвоить было не под силу! Оба кольца оказались фальшивыми! Когда он пришел в себя, уселся в кресло, положил

ногу на ногу, стал внимательно приглядываться к деду. Тот сидел напротив, шамкал и кусал губы, шевелил ими в беззвучном монологе, проделывал руками загадочные пасы... Затем хлопнул руками по коленям и вскричал с некоторым восхищением:

– Вот ведь суккин сын! Каков пройдоха! Вот ведь шельмец!!!

– Вы договорились?

– Эммм... Что? – Дед вспомнил, что не один. – С кем? – округлил он глаза. «Как-то уж слишком честно», показалось Бруно.

– Нуууу, с кем ты только что беседовал?

– Ах... Мой мальчик... – он собрался изобразить искреннее удивление, возмущение и бог знает что еще. Бруно его перебил.

– Филипп...

– Думаю, ты теперь должен ехать в Россию, – ошарашил его старикан.

Бруно никак не отреагировал. Решил, что ему показалось.

– Видишь ли... – продолжил дед. – Предполагаю, что подлинник колье там. Его мог подменить только этот человек, который...

– Которого ты мне горячо рекомендовал и просил оказать самый радушный прием.

– Но, мой мальчик, я был о нем самого высокого мнения! Я и предположить не мог... – Дед лукавил по-крупному.

– Откуда тебе известен этот человек? И... Филипп, ты же понимаешь, я все равно узнаю правду. – Сам тон сказанного и весь вид молодого человека не оставляли старику Лурье выбора. Пришлось рассказать всё. Ну, почти всё.

– Ты рекомендовал мне человека, который обокрал тебя в России???. И вот он проделал то же самое уже здесь, во Франции! Ты спятил, Филипп!

– Видишь ли... я не сразу это понял. Только сегодня ночью я сложил факты и все стало на свои места! И вот я здесь. Сказать по правде, я боялся, что кольцо исчезло вовсе! Я поторопился к тебе, как только догадался, – старикан обессиленно уронил голову на руки.

– Боюсь, мошенник с подлинником может быть, где угодно. Хоть в Перу.

– Нет-нет! – Дед воспрял духом. Его не собирались пытать, вести на расстрел, он обрел почву под ногами, заговорил солидно. – В России у Михаила мать старушка. Он весьма привязан к ней. Он там, я уверен.

– Филипп. Если ты морочишь мне голову...

– Нет. Нет!!! Уверяю тебя. И потом... ты давно собирался навестить наше представительство в Москве. Поезжай, мой мальчик. Развеешься. Поешь борща!

– Но ведь можно нанять специальных людей, профессионалов! В конце концов, подключить интерпол!

Дед крикнул, откашлялся в кулак.

– Мы и так потеряли слишком много времени. К то-

му же... вопрос такой деликатный... Не хотелось бы выносить на публику..

Бруно прикрыл глаза и раздраженно вздохнул.

Россия, поместье

Подруги шли по лесной тропинке, известной только местным жителям. В лесу стояла спасительная, божественная прохлада. Сам воздух полон был звуков и запахов, какие возможны только в июле и только в хвойном лесу. Кроны высоких сосен гудели, вели неспешный вековой разговор. На фоне этого гула со всех сторон несмолкаемой рапсодией щебетали, свистели и клекотали невидимые птицы всех мастей – вот откуковала кукушка, вот залился соловей, зашвистела иволга, дятел отчеканил дробь. В траве шелестело и сверчало. Пчела прогудела по делам. Варя разулась и пошла босиком. Тропинка была мягкая песчаная – ступням сразу стало приятно.

– Варь, это сколько ж Вацлавне стукнет?

– По-моему... триста. Плюс минус пятьдесят. Но задора еще на полвека, ты же знаешь.

– Да уж. – Катерина хмыкнула. – Может замуж ее выдать? Давно не ходила что-то.

– Не жалеешь ты мужское население, Кать. И потом, она сказала, мы первые. Пока не выдаст – не помрет.

– Ууууу... вот и не будем торопиться. Того и гляди, разой-

дется на свадьбе в менюэтах – сломается.

– Не сломается. Ей такие пилюли прописали – скачет резвой козочкой. В музей является – каждый раз фурор! Наши зрительницы только что не крестятся ей вслед, панночкой называют.

– Родиной попрекают? – Катька уперла руки в бока.

– В бессмертии подозревают, дурында! Бессмертие во все времена вызывало не только зависть, но и страшные подозрения! – зловещим шепотом сказала Варвара и нарочито выкатила глаза, как в старом немом кино. Подруги захохотали.

Лес действовал на Варю умиротворяюще. Она любила гулять здесь и думать, вспоминать... Мысли о бабуле неспешно поплыли в ее голове.

Далекие предки Луизы, в девичестве Красовской, родом были из Полоцка. И насколько насыщенной была история этого славного древнего города, настолько же трагической и непостижимой была история самого рода. Разумеется, достоверных фамильных артефактов времен Рюриковичей и Речи Посполитой в семье не было. Но уж легенды самые невероятные охотно передавались из поколения в поколение, обрастали новыми подробностями, шумно обсуждались представителями семьи на праздничных мероприятиях и семейных торжествах. Случилось так, что один из героических польских предков Луизы сделался вдруг популярен при дворе Екатерины Великой. Пожалованы ему были титул и земли. А во избежание гонений, вполне обычных в период

русско-польских конфликтов, упомянутый пан Ежи женился на родовитой красавице. Отсюда и пошла богатая русская ветвь семьи. В последующие годы, полные трагических событий, войн, царских и затем советских репрессий, многочисленных русских предков Луизы снова разбросало по миру. Истинного патриотизма в «кровях» так и не прибавилось, зато тяга к авантюризму усиливалась в поколениях многократно. Историям этим Варвара внимала с детства, сначала с трепетным восхищением и энтузиазмом, затем с некоторыми сомнениями и поправками, с пятнадцати лет она склонна была думать, что Вацлавна все сама и сочинила по обыкновению. Варя улыбнулась мыслям и погнала их прочь. Они пришли на реку.

Речка здесь была неширокая, по обоим берегам обрамленная высокими крутыми песчаными обрывами. И повсюду сосны, сосны... Сосны, куда ни плюнь. На пляже не было никого. Приезжие сюда не забирались, а местная ребятня предпочитала пляж чуть ниже по течению, на широкой излучине, там были у них справлены плоты, припрятаны тарзанки, стояли раchy ловушки. Мальчишки частенько приносили в имение раков, угощали женщин. Варя предполагала, что ходили они посмотреть на барыню. Луиза, в прошлом учительница, любила бывать среди молодежи, неустанно привлекала внимание, эпатировала, веселилась, хоть и не признавала этого из вредности. Скоро этой жизни придет конец. Варя сморгнула слезы и пошла в воду.

2

Бруно Дюпре находился в России уже неделю. За несколько дней до приезда он связался с человеком в Москве, велел собрать всю возможную информацию об интересующем его Михаиле Третьякове, его семье, друзьях, знакомых и далее по списку.

В Москве он провел несколько стратегически важных встреч и совещаний с российскими коллегами, партнерами по бизнесу – по случаю его приезда несколько филиалов прислали своих представителей. Он даже дал небольшое интервью прессе – в комментариях журналисты подали его как «самого прогрессивного владельца процветающего европейского ювелирного дома, интеллектуала и страстного коллекционера». Затем он прочитал доклад на форуме ювелиров, в приватной обстановке обсудил тенденции и проблемы отрасли, посетил легендарные музеи Кремля.

Владимир Иванович Ухтомский, успешный предприниматель, промышленник, обладатель весьма обширных связей в бизнес кругах России, пригласил Бруно на ужин в своем загородном доме. Бруно считал нужным на ужин согласиться. Они были знакомы несколько лет, правда, в России никогда не встречались, зато встречались на курортах Ниццы и Куршавеля.

– Мааам, ну он же старыыый. – Вика, которая только что получила от своего инструктора по теннису сообщение весьма пикантного содержания, разглядывала себя в зеркале, вытягивала губы, красиво откидывала красивые волосы назад, крутилась, отставляла попу стульчиком. Вика себе нравилась.

– Викуся, ему нет и сорока.

– У него седина в висках, я его хорошо рассмотрела на выставке.

– Это благородно, дура. – Мать критически разглядывала дочь, поправляла ей платье, волосы.

– И глаза в разные стороны смотрят. Бррр...

– Не важно. Почти незаметно. И это его не портит. Даже добавляет шарма. Он душка! Отец его очень ценит.

– Ну вот сама и очаровывай его, если тебе так хочется. – Вике не хотелось возиться с французом в угоду родителям, а хотелось смыться к Олежке, инструктору, с ним было весело, он знал миллион анекдотов.

– Викуся! Сделай это ради отца! – Викуся закатила глаза и поджала пухлые губки. – Тебе ничего не стоит заполучить мужика! Просто будь с ним поласковее, поулыбайся..., – настаивала ее мать. – Ты же вон какая красавица у меня! – Она продолжала приводить Викусию в надлежащий случаю порядок. – Выйдешь замуж, в бриллиантах купаться будешь! А там – пожалуйста, ходи сколько хочешь на фитнес, теннис и горные лыжи. – Мать бросила на дочь оценивающий

взгляд – осталась довольна. – Ну все! Идем. Будешь умничкой?

– Буду, – вздохнула Викуся.

В семь часов вечера Бруно Дюпре стоял в парадном холле – торжество мрамора и позолоты – загородной резиденции Ухтомских. Владимир Иванович встречал Бруно широкой улыбкой радушного хозяина, крепко жал руку, представил уже собравшихся гостей. В ожидании ужина мужчины отправились в кабинет пропустить по стаканчику, обсудить насущные дела. Спустя время в дверь постучали, вошла Ольга Михайловна, хозяйка дома, красавица, образчик гламурного шика, – подошла к мужчинам, соблазнительно качая бедрами.

– Владимир Иванович, что же ты гостей тут держишь впроголодь? Успеете еще о делах наговориться. Прошу всех в столовую, у нас все готово.

Ухтомский решил не спорить с супругой, мужчины направились в столовую, куда уже прибыли другие приглашенные. Всего собралось человек пятнадцать, все старые знакомые, за исключением Бруно. Мужчину перезнакомили со всеми присутствующими, он запомнил только тех, кто был ему нужен, и ради кого он, собственно, пришел. Мужчины тут же снова разбились на кучки по интересам, заговорили все разом, кто о чем. Бруно с улыбкой подумал, что, пожалуй, все бизнес круги во всем мире одинаковы – вот в таких столовых, кабинетах и гостиных в дружеской обстановке встре-

чаются предприниматели, банкиры, представители власти, вполголоса решают самые важные вопросы, начинают громкие проекты, договариваются о многомиллионных сделках. На таких встречах Бруно чувствовал себя, как рыба в воде. Сын дипломата, он блестяще умел себя преподнести, с сокрушительным успехом заключал выгодные контракты, обходил конкурентов, заводил нужные знакомства. Он приехал на ужин, чтобы обсудить с заинтересованными людьми вопросы расширения своего бизнеса в России.

– Месье Дюпре, – к нему подошла Ольга Михайловна с бокалом шампанского. Бокал он принял.

– Позвольте представить – моя дочь Виктория. – Бруно посмотрел на Викторию. Это была сногшибательная блондинка в открытом вечернем платье на высоченных каблуках. Бруно взял ее за тонкие наманикюренные пальчики.

– Ваша дочь, мадам? Не верю, – улыбался он. Хозяйка была польщена. – Вы можете называть меня Бруно. Вы стали матерью в раннем возрасте? – Ольга Михайловна зашлась в притворном смущении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.